

УДК 316.3
ББК 60.2561.2<https://doi.org/10.31862/3033-7909-2025-02-20-29>

20

РАСШИРЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДОСТУПА К ОБРАЗОВАНИЮ В МОДЕРНИЗИРУЕМОМ ОБЩЕСТВЕ

С.Ю. Иванов, Д.В. Иванова

Аннотация. В статье рассматриваются особенности, определяющие образовательную дифференциацию в условиях модернизируемого общества. На основе данных социальной статистики и результатов социологических исследований рассматриваются причины, влияющие на формирование основ образовательного неравенства, что выражается в неравноценном доступе представителей различных социальных групп к получению образования. Особое внимание авторы уделили функциональному анализу института образования, который в модернизируемом обществе воспроизводит потребности экономической системы и закрепляет определенные траектории развития личности.

Ключевые слова: образование, занятость, социальное неравенство, дифференциация, занятость, стратификация.

Для цитирования: Иванов С.Ю., Иванова Д.В. Расширение возможностей доступа к образованию в модернизируемом обществе // Социально-гуманитарные исследования: социология, экономика, право. 2025. № 2. С. 20–29. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-02-20-29

EXPANDING ACCESS TO EDUCATION IN A MODERNIZING SOCIETY

S.Y. Ivanov, D.V. Ivanova

Abstract. The article discusses the features that determine educational differentiation in a modernizing society. Based on the data of social statistics and the results of sociological research, the causes that influence the formation of the foundations of educational inequality

© Иванов С.Ю., Иванова Д.В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

are considered, which is expressed in the unequal access of representatives of various social groups to education. The authors paid special attention to the functional analysis of the institution of education, which in a modernizing society reproduces the needs of the economic system and fixes certain trajectories of personality development.

Keywords: *education, employment, social inequality, differentiation, employment, stratification.*

Cite as: Ivanov S.Y., Ivanova D.V. Expanding access to education in a modernizing society. *Sotsialno-gumanitarnye issledovaniia: sotsiologiia, ekonomika, pravo.* 2025, No. 2, pp. 20–29. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-02-20-29

Образование представляет собой один из ключевых драйверов социальной дифференциации. Сфера образования ориентируется на удовлетворение устойчивых социальных потребностей личности, государства, общества. Ее самовоспроизводство поддерживается особой культурной средой (системой знаков, действий, правил поведения, которые отличают людей), ресурсами (материальными, финансовыми, трудовыми, организационными). Наличие образовательной сферы говорит о том, что в обществе присутствует необходимая система средств, функций, действий, операций, целей, связанных с передачей знаний от одного поколения к другому, обеспечения успешной социализации индивида и вовлечение его в активную социальную деятельность. Все это позволяет рассматривать образование в качестве основного социального института. Благодаря данному институту, индивид наиболее успешно включается в профессиональную деятельность, усваивает действующие в обществе социальные нормы, развивает свои профессиональные компетенции.

В научно-теоретическом ракурсе сложились различные подходы к определению системы образования для общества.

Так, по мнению социологов-функционалистов, для более эффективного использования человеческого капитала в экономике необходимо предусмотреть определенное перемещение людей между различными классами и профессиональными группами. Основное движение происходит между представителями высшего рабочего класса и низшего среднего класса.

Образование как ключевой фактор социальной дифференциации рассматривалось в работах представителей классической социологии. Немецкий экономист и социолог К. Маркс утверждал, что система образования имеет идеологические корни [5]. Образование действует в интересах доминирующей экономической системы – присущей ей средствам производства и производственным отношениям.

Мнение о том, что система образования должна выполнять множество функций в социуме высказывал американский социолог Толкот Парсонс [7]. Процесс образования строится на выполнении следующих функций: экономическая; социального отбора; политическая; социального контроля. Одна из приоритетных задач образования связана с подготовкой работников для доминирующей системы производства, в контексте уровня развития технологий, которые требуются в социуме.

До недавнего времени исследования системы образования в рамках отечественной социологической школы отражали классовую структуру общества, а также

особенности ее воспроизводства. При этом предполагалось, что образование отражало и усиливало классовую дифференциацию в обществе.

Согласно французскому социологу П. Бурдьё, образование легитимизирует социальное неравенство. В складывающейся социальной структуре представителей низших слоев имеют ограниченный запас ресурсов. Это предопределяет их крайне большие издержки семейных бюджетов на получение образования их детей. При этом инвестиции в получение образования необходимое, но недостаточное условие для приобретения индивидуумом высоких социальных позиций [4].

Как справедливо указывает известный польский социолог П. Штомпка, образование выступает предметом социального регулирования, в котором воплощаются определенные принципы идеологического регулирования [12, с. 12]. Вопрос видится в использовании механизмов социальной справедливости и выравнивании потенциальных возможностей тем, кто изначально не может обеспечить накопление необходимого социально-культурного капитала.

Заметим, что современные исследования постоянно отслеживают динамику доступности разных уровней образования и воспроизводства образовательного неравенства. Многие из них подтверждают, что за последние несколько десятилетий влияние социального происхождения на образовательные достижения зависит от социокультурных особенностей той или иной страны и не всегда имеет тенденцию к уменьшению. Общество риска, в котором мы живем, не всегда может гарантировать индивиду с определенным образованием достойное место работы.

По мнению немецкого социолога У. Бека, отсутствие у индивида необходимого уровня образования лишает его возможности занять определенное место в социальной иерархии [3]. В то же время общество риска приводит к размыванию шансов индивида на рынке труда. Отмечаемая в этой связи дисфункция образования способствует закреплению и воспроизводству потенциального социального неравенства. Образование перестает отвечать на вызовы общества риска и формирует определенные социальные группы, имеющие низкую социальную мобильность. Ограничивающие барьеры социальной мобильности «социальное происхождение», а также принадлежность к определенной этнической группе сегодня можно встретить в ряде стран. Наблюдаемые социальные трансформации нередко усиливают образовательное неравенство.

В этом вопросе известные ученые Оксфорда Д.Л. Томпсон и Д. Пристли обоснованно утверждают, что в последнее время ситуация в сфере образования существенно изменилась. Теперь навряд ли можно рассматривать его стимулом для социальной мобильности. Рост необязательного высшего образования во многом связан со стремлением обеспечить работой администраторов, учителей и снизить уровень безработицы. Для движения по социальной лестнице, скорее, выступают личностные деловые качества и успех, чем уровень образования [8, с. 227].

Применение теории свободного рынка ориентируется на концепт социальной конкуренции, контроль успеваемости и сформированности необходимых профессиональных навыков. Обеспечение большего социального равенства позволяет потребителям образовательных услуг более осознанно подойти к необходимому выбору и повысить чувствительность образования к потребностям цифровой экономики.

Стоит подчеркнуть, что основа образовательных достижений – накопленный человеческий капитал. Человеческий капитал как социальный конструкт раскрывается через жизненный фон того или иного социума. Динамика его изменения оценивается по целой группе как количественных, так и качественных показателей.

Образование как особая социальная отрасль формирует этот капитал. Данный социальный институт в любой стране «производит» ценностный базис, гражданское самосознание, а также обеспечивает готовность заниматься определенным видом профессиональной деятельности.

Сегодня доступ к знаниям опосредован информационными технологиями. При этом источник данных знаний не всегда определен и не обладает первичной ценностью. Основной образовательный результат – набор знаний, навыков и умений требует постоянного изменения и совершенствования и привязан к обслуживанию потребностей народного хозяйства. Это говорит о необходимости создания новых культурных образцов, необходимости подготовки индивида к эффективной деятельности. Многополюсность, отсутствие валидации знания, доминанта социальных коллабораций, технологические инновации задают новый формат функционирования системы образования, который никак не согласуется с территориальными границами «виртуализированного» знания и его монополии в рамках определенного субъекта.

На этом фоне дальнейшее развитие современного российского общества обосновывает повышение спроса на квалифицированные кадры и предполагает увеличение количества высокопроизводительными рабочих мест, требующих высшего образования.

Согласно данным ФСГС, только за период 1991–2021 гг. произошли серьезные изменения в структуре численности занятых в экономике по уровню образования. Выросла доля занятых, имеющих высшее образование, на 16,9 %. Соответствующую динамику имел показатель доли занятых, имеющих среднее профессиональное образование, повышение составило 13,7 %. Доля занятых со средним (полным) общим образованием, т. е. не имеющих профессиональной подготовки, сократилась на 17 %.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что возросла потребность экономики в высококвалифицированных кадрах, а также вырос спрос на неквалифицированную рабочую силу. В то же время повышение образовательного уровня сопровождается существенными изменениями в стратегиях поведения индивида.

Таблица 1

Распределение численности занятых в экономике по уровню образования, %

Уровень образования	1991 г.	2001 г.	2011 г.	2021 г.
Высшее образование	17,8	26,3	29,8	34,7
Среднее профессиональное	31,6	31,1	46,4	45,3
Среднее (полное) общее	32,9	34,6	19,6	15,9
Основное общее	14,5	7,1	3,9	4,0
Не имеют основного общего	3,2	0,9	0,3	0,2
Всего	100	100	100	100

Увеличение уровня образования или же усечение жизненного цикла наименее образованной социальной группы, по мнению ряда исследователей (О. Руткевич, С. Оксамитная и др.), может приводить, с одной стороны, к появлению риска углубления социального неравенства, с другой – к расширению образовательных возможностей определенных статусных групп населения [6]. Проблема сегодня видится в сужении воспроизводства социальной базы для более высоких уровней образования, локализации шансов для высокообразованной социальной среды. По существу, образовательные возможности для различных социальных групп неодинаковы. Это обусловлено и тем, что расширенная профориентационная работа и качественная подготовка к сдаче ЕГЭ доступна не для всех выпускников школ.

Заметим, что в ряде высокоразвитых стран роль института образования по-прежнему остается основной. Затраты на образование в них не минимальные (1–2 % ВВП), а достаточно большие и доходят в среднем до уровня 10 % ВВП. На этом фоне выделяются те страны (Германия, Швеция, Нидерланды, Франция и др.), где наблюдается тенденция уменьшения влияния социально-классового происхождения, этно-национальной и социально-культурной принадлежности на образовательные достижения человека. Высшее образование в названных странах может получить любой желающий. Другое дело – оценка риска для разных статусных групп устройства на работу и нахождения работы по специальности.

Особо значимым представляется и такой показатель, как эффективное воспроизводство и реализация человеческого потенциала населения страны. Фактор социальной закрытости на полюсах образовательной иерархии для нашего общества остается значимым. Количество людей, получивших полное среднее образование, в качестве образовательного максимума и вышедших на рынок труда остается по-прежнему весьма значимым.

В свою очередь, контингент высшей школы стабилизировался. В вузы на протяжении последних 10 лет поступало около трети выпускников средней школы. При этом большая доля школьников (свыше 50 %) поступают в колледжи. Согласно данным мониторинга РТУ (МИРЭА) и ВШЭ, сегодня на 1000 наших соотечественников в возрасте 25–64 года приходится 304 человека с высшим образованием. Это порядка 26 млн человек [9; 10].

В обществе знаний социальная сущность образования также изменяется. Оно все больше превращается не в открытый, а в социально дифференцирующий институт. Например, поступить в вуз молодому человеку сегодня становится достаточно сложно, требуются дополнительные затраты, чтобы сдать ЕГЭ на требуемый балл. Для этого имеющие достойный доход родители нередко прибегают к помощи репетиторов. К тому же проживание в другом регионе, где находится вуз, требует немалых средств. Заметим, что только за период 2006–2022 гг. количество студентов у нас в стране уменьшилось на 3 млн человек и составило в 2022 г. 4 млн человек.

Безусловно, возможности для получения высшего образования для представителей различных социальных классов формально несколько расширились. Однако серьезных качественных изменений в накоплении совокупного человеческого капитала не произошло. Сегрегация наблюдается по специальностям и уровню профессиональной подготовки. Актуальна потребность в заполнении все большего количества вакансий специалистами по ряду дефицитных направлений

подготовки (агропромышленному комплексу, социальной сфере, машиностроительному комплексу и др.). Решение накопившихся проблем связано, скорее, не только с рыночными механизмами, но и с политикой государства в сфере профессиональной подготовки и занятости населения.

В частности, важно учитывать и такую составляющую человеческого потенциала, как творческий потенциал личности. Приоритет ложных потребительских ценностей и получение балльного результата зачастую не способствует раскрытию творчески одаренных индивидуумов. Для социальных партнеров (государство, бизнес) важно актуализировать работу по поддержке представителей групп социального риска, недопущения сегрегации в пределах одного образовательного уровня, содействия в создании одинаковых стартовых условий для молодежи из различных регионов.

Образование, безусловно, должно создавать определенную социальную среду. Для молодежи различных статусных групп важен креатив, возможность взаимодействовать и общаться, получать неограниченный доступ к инновационным знаниям. В этой связи образование позволяет реализовать данную потребность. В то же время данный институт ориентируется на роль буфера для снижения потенциальной безработицы и позволяет обеспечить подготовку квалифицированных специалистов с учетом запросов современного рынка образовательных услуг. Однако на деле мы видим ослабление его роли как канала социальной мобильности. Представители малообразованных и низкостатусных групп населения имеют сегодня ограниченные возможности для приращения человеческого капитала. Вследствие этого инструменты профессиональной мобильности для представителей определенных групп социального риска оказываются малоэффективными.

Особое место отводится и системе корпоративных университетов, которая работает под потребности конкретной отрасли. Однако и на данном уровне имеются проблемы. По оценкам профильных специалистов, количество российских вузов, имеющих «корпоративную составляющую» ограничено. Причем с вузами имеют прочные связи всего 10 % крупных компаний [11].

Модернизация нашего общества также сказывается на образовательной дифференциации и восприятии образования как социальной услуги. В условиях цифровизации меняется соотношение учебы, работы и досуга.

Структурные изменения на рынке труда наиболее неблагоприятно, в первую очередь, сказываются на представителях низкооплачиваемых групп: сокращение доли достойных рабочих мест, изменение формы занятости, снижение уровня социальной защиты. Инновационная экономика все больше притягивает представителей среднего класса сектора услуг и производителей интеллектуальных продуктов. Причем на фиксируемое увеличение разрыва в доступе к образованию влияет структура сформированных ценностей и мотивация молодых людей в рамках общества потребления.

Меняется структура свободного времени. У молодежи из низкодоходных групп отмечаются самые высокие затраты на выполнение работы по дому, ресурс свободного времени на наращивание человеческого капитала сводится к минимуму. Становится мало шансов подняться по социальной лестнице, используя ресурс образования. В сравнительном анализе мобильности представителей различных статусных групп это особенно заметно. Как итог, можно зафиксировать ограниченность и фрагментарность знаний многих выпускников, что служит существенным барьером для дальнейшего развития творчески развитой личности.

К наблюдаемым трудностям социальной модернизации добавляется отсутствие для будущих поколений получения равных возможностей в доступе к образованию. Во многом это связано с ограничением возможностей целого ряда домохозяйств компенсировать значимые образовательные потребности. Здесь приходится констатировать рассогласование групповых и индивидуальных запросов. Сформированные социумом запросы достойной жизни не соответствуют реальным нормам «нормальной жизнедеятельности». Реальный потребительский достаток нередко «опережает» ценности семьи, хорошей работы, наконец, получение достойного образования. Ценность образования не для всех категорий населения воспринимается как значимый фактор личностного развития.

Справедливости ради отметим, что доминирующей зачастую становится материальная необеспеченность. В рыночном обществе потребления изменились стандарты оказываемых услуг, снабжения и потребления. Данные многочисленных опросов фиксируют, что среди населения уменьшается количество неудовлетворенных культурно-бытовыми условиями жизнедеятельности [1, с. 69]. Однако вслед за этим у представителей различных групп населения автоматически не изменяются представления о собственной жизнедеятельности, траекториях качественного личностного развития.

Молодежь, выбирая тот или иной вуз, ориентируется прежде всего на свою востребованность на рынке труда. Однако современное общество риска не позволяет гарантировать успешное продвижение по однажды выбранному карьерному пути.

Интерес представляют результаты социологического исследования «Мониторинг качества приема в МПГУ», проведенного в марте – октябре 2019 г. ЦСИ ИСГО МПГУ под руководством авторов. В качестве участников опроса выступали абитуриенты педагогического вуза: выпускники средних школ текущего года и прошлых лет, учащиеся 9–11 классов средней школы, обучающиеся в педагогических и непедагогических колледжах, а также лица, имеющие среднее профессиональное, неполное высшее, высшее (бакалавриат) или высшее (специалитет/магистратура) образование. Объем выборки – 462 респондента.

В рамках исследования важно было выделить факторы, которые влияют на выбор образовательной программы/профиля подготовки.

Как показал опрос, лидирующие позиции занимает фактор: «интерес к выбранной профессии». Наметился позитивный тренд: за март – октябрь 2019 г. несколько выросла доля тех, для кого данный фактор является основным (с 23 % до 28 %). Определенное повышение личностного интереса к выбору тех или иным образовательных программ объясняется тем, что абитуриенты пока еще в полной мере не оценивают все свои шансы на поступление по тому или иному направлению.

Второй важный фактор – профессиональное призвание. Как и следовало ожидать, доля тех, кто рассматривает выбираемую профессию в качестве своего призвания, существенно не изменилась (20 % против 19 %). В определенной степени здесь сказывается специфика вуза, наличие устоявшейся профессиональной преемственности и традиций.

Следом по частоте упоминания идут факторы, которые так или иначе связаны с рынком труда: востребованность на рынке труда (5 %), получение престижной профессии (5 %), «рассчитываю на конкретное место работы» (6 %). Распределение ответов существенно зависит от исследуемого структурного подразделения. Позитивным моментом за исследуемый период по праву можно считать рост доли тех, кто

говорит о престиже выбранной образовательной программы/профиля (с 0 до 5 %), а также востребованности на рынке труда (с 3 % до 5 %). Учитывая, что сегодня возрастает значимость педагогического образования, представленные данные выглядят вполне обоснованными.

А вот определенное беспокойство вызывает уменьшение доли тех, кто выделяет возможность получения качественного образования по той или иной образовательной программе/профилю (с 8 % до 5 %). При небольшом уровне значимости данного фактора увеличивается риск получения «номинального» образования, занижения проходных баллов, нивелирования института «договорников». Причем эффект увеличивается в условиях высокой межвузовской конкуренции. Очевидно, вопрос повышения качества образования остается открытым.

Доступность образования – фактор, играющий не менее важную роль при поступлении. Доля респондентов, которые рассматривают количество вакантных бюджетных мест при выборе образовательной программы/профиля, снизилась ненамного с 8 % до 7 %. Однако данные изменения выглядели бы не столь убедительными, если не принимать в расчет сокращение контрольных цифр приема по целому ряду направлений и увеличение конкурентной борьбы между подразделениями за договорников, а также стабильной доли тех, кто рассматривает вариант обучения на договорной основе.

В целом результаты опроса показывают, что личностный интерес к выбранной профессии остается лидирующим фактором выбора направлений. Поступающие стремятся выбрать профессию, которая им нравится и к которой они чувствуют расположение. Показательно, что у поступающих увеличивается желание поддерживать семейную традицию и быть востребованным специалистом после окончания вуза. Вместе с тем для повышения конкурентных позиций необходимо ориентироваться не только на формат личного интереса, но и на аспекты привлекающей и удерживающей мотивации, связанной с качеством профессиональной подготовки.

Сфера образования наиболее контрастно отражает происходящие социальные изменения. Основы модернизации закладывают критерии качества оценки функционирования любого социального института как бизнес-единицы. Дизайн функционально качества нередко переносится и на сферу образования на основе бизнес-стратегии.

Система отечественного образования по инерции еще оставалась транслятором традиций российской культуры. Однако в результате проводившихся модернизаций ее социальная миссия оказалась под серьезным ударом. Инструментализация образования приводит к подготовке специалистов, скорее всего готовых к потреблению новых промышленных продуктов и технологий, чем к их созданию. Вместо регенерации новых знаний, молодежь обучается пониманию инструкций и технической документации.

Наблюдаемый относительно высокий уровень несоответствия профессии и полученного образования свидетельствует о явных проблемах в управлении системой «образование – рынок труда».

Многочисленные исследования подтверждают допущение о том, что степень академической мобильности предопределяется открытостью социальной структуры [2]. За нее отвечает целое множество факторов – от институциональных до групповых и личностных, которые самым непосредственным образом проецируются на доступ различных социальных групп к образованию. Поэтому вопрос видится в готовности государства воспринимать данные факторы и учитывать в рамках проводимой социальной и образовательной политики.

Попытки связать подготовку квалифицированных кадров исключительно только с экономическим ростом и потребностями целевых групп наталкиваются на все большую образовательную дифференциацию. Привлечение лучших и получение дополнительного финансирования, и обеспечение сбалансированного бюджета являются, по существу, атрибутами «маркетингового подхода», нивелирующие шансы для представителей различных социальных групп, отличающихся по доходу и профессии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнян Ю.В. Трансформация постсоветских наций. М.: Наука, 2003. 205 с.
2. Балабанов А.С., Балабанова Е.С. Социальное неравенство: факторы углубления депривации // Социологические исследования. 2003. № 7 (231). С. 34–43.
3. Бэк У. Общество риска. На путях к другому модерну. М.: Прогресс-традиция, 2000. 381 с.
4. Деруэ Ж.Л. Социология образования: в поисках общества // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II. Современная французская социология. С. 179–190.
5. Маркс К. О морали и нравственном воспитании: Сборник / К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин. М.: Политиздат, 1985. 528 с.
6. Оксамитная С. Социально-классовые основы образовательного неравенства в Украине // Социология, теория, маркетинг. 2006. № 3. С. 116–136.
7. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1997. 270 с.
8. Томпсон Дж.Л., Пристли Д. Социология: вводный курс. М.: АСТ, 1998. 491 с.
9. Трентманн Ф. Эволюция потребления. М.: Бомбора, 2019. 569 с.
10. Хайретдинов Т. Как в России устроена система высшего образования и сколько в стране студентов // Тинькофф журнал. 2023. URL: <https://journal.tinkoff.ru/statistic-universities/?ysclid=lr28xsqg2291472946> (дата обращения: 01.03.23).
11. Четверикова А. Почему школьники ошибаются с выбором вуза, а студенты меняют профессию // Российская газета. 2022. 20 янв. (№ 8660).
12. Штомпка П. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005. 655 с.

REFERENCES

1. Arutunyan Yu.V. *Transformatsiya postsovetskikh natsii*. Moscow: Nauka, 2003. 205 p.
2. Balabanov A.S., Balabanova E.S. *Sotsialnoe neravenstvo: faktory uglublenniya deprivatsii. Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2003, No. 7 (231), pp. 34–43.
3. Bek U. *Obshchestvo riska. Na putyakh k drugomu modernu*. Moscow: Progress-traditsiya, 2000. 381 p.
4. Derue Zh.L. *Sotsiologiya obrazovaniya: v poiskakh obshchestva. Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii*. 1999. Vol. II. *Sovremennaya frantsuzskaya sotsiologiya*, pp. 179–190.
5. Marks K. *O morali i нравstvennom vospitanii: Sbornik* / K. Marks, F. Engels, V.I. Lenin. Moscow: Politizdat, 1985. 528 p.
6. Oksamitnaya S. *Sotsialno-klassovye osnovy obrazovatel'nogo neravenstva v Ukraine. Sotsiologiya, teoriya, marketing*. 2006, No. 3, pp. 116–136.

7. Parsons T. *Sistema sovremennykh obshchestv*. Moscow: Aspekt Press, 1997. 270 p.
8. Tompson Dzh.L., Pristli D. *Sotsiologiya: vvodnyi kurs*. Moscow: AST, 1998. 491 p.
9. Trentmann F. *Evolutsiya potrebleniya*. Moscow: Bombora, 2019. 569 p.
10. Khairtdinov T. Kak v Rossii ustroena sistema vysshego obrazovaniya i skolko v strane studentov. Tin'koff zhurnal. 2023. Available at: <https://journal.tinkoff.ru/statistic-univercity/es/?ysclid=lrs28xsqg2291472946> (accessed: 01.03.23).
11. Chetverikova A. Pochemu shkolniki oshibayutsya s vyborom vuza, a studenty menyayut professiyu. *Rossiiskaya gazeta*. 2022. Jan. 20 (No. 8660).
12. Shtompka P. *Analiz sovremennogo obshchestva*. Moscow: Logos, 2005. 655 p.

Сведения об авторах / About Authors:

Иванов Сергей Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой, Московский педагогический государственный университет, e-mail: syu.ivanov@mpgu.su

Ivanov Sergey Yurievich, ScD in Social Sciences, Full Professor, Head, Theoretical and Special Sociology named after M.A. Budanova Department, Moscow Pedagogical State University, e-mail: syu.ivanov@mpgu.su

Иванова Дарья Вячеславовна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой, Московский педагогический государственный университет, e-mail: soc-lab@yandex.ru

Ivanova Daria Vyacheslavovna, PhD in Social Sciences, Associate Professor, Theoretical and Special Sociology named after M.A. Budanova Department, Moscow Pedagogical State University, e-mail: soc-lab@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 07.05.2025 / The article was received on 07.05.2025

Статья принята к публикации 20.05.2025 / The article accepted for publication 20.05.2025